

можна знайти в рельєфному оформленні Дністровських воріт у нижній частині стіни з правого боку арки (рис. 3: *a, б*). На Бендерській брамі розміщено симетричне відносно воріт зображення гармат, на Яській брамі аналогічне зображення рельєфне. Меч Алі зображено двічі (рис. 3: *a, в*). Крім того, схожі, значно пошкоджені койланогліфи меча Алі можна помітити всередині Бендерської брами (рис. 3: *г*). Меч Алі є поширеним символом яничарських орт та мусульманства взагалі.

Не всі графіті фасаду Бендерських воріт однозначно ідентифіковані та отримали свою назву, тому це питання потребує подальшого дослідження.

Література

1. **Шлапак М. Е.** Бастионное укрепление города Хотин / М. Е.Шлапак // Проблемы теории и истории архитектуры Украины. – Одесса, 2007. – Вып.7. – С.68–74.
2. Памятники архитектуры XIII – XIX веков. Хотинская крепость [Текст]: альбом фот. (арх. материал) : планы, фасады и разрезы сооружений / Гос. ком. совета Министров СССР по делам стр-ва, Укр. спец. науч.-реставрац. произв. упр., 1977. – 5 с., 62 фот.
3. Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной Европы. – Том 1. – М.: Институт Востоковедения, 1964.
4. Энциклопедия Ислама: CD-ROM версия / The Encyclopaedia of Islam CD-ROM Edition v. 1.0, 1999 Koninklijke Brill NV, Leiden, The Netherlands.
5. **Михайлина Л., Пивоваров С.** Нариси з історії Хотинської фортеці: Факти, легенди, гіпотези / Любомир Михайлина, Сергій Пивоваров. – Хотин, 2011. – 128 с.
6. **Шлапак М. Е.** Яничарские символы в крепостях Молдавии / М. Е.Шлапак / Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. – К., 2008. – Вип. 17. – С. 340–349.
7. **Николле Д.** Янычары / Д. Николле. Пер. с англ. А. В. Красулиной. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2004. – 71, [1] с: цв. ил. – (Элитные войска).

Диля Алядинова (Симферополь),
младший научный сотрудник Крымского филиала ИА НАН Украины

Керамические курительные трубки османского периода из раскопок на территории крепости Алустан

Захват в 1475 г. турками-османами значительной части Крымского полуострова повлек за собой кардинальные перемены в жизни средневековой Алушты. Этот некогда укрепленный портовый город стал рядовым поселком в составе Судакского кадылыка (qaza) Кафинского эйялета Османской империи, жители которого теперь уплачивали налоги султану.

Оборонительные сооружения были частично разрушены и разобраны на строительный камень. Территория крепости постепенно застраивалась новыми жилыми и хозяйственными сооружениями, просуществовавшими здесь вплоть до середины XX в.

Археологическое изучение памятника, продолжавшееся с небольшими перерывами на протяжении 13 лет (1981, 1984–1994, 1998 гг.), предоста-

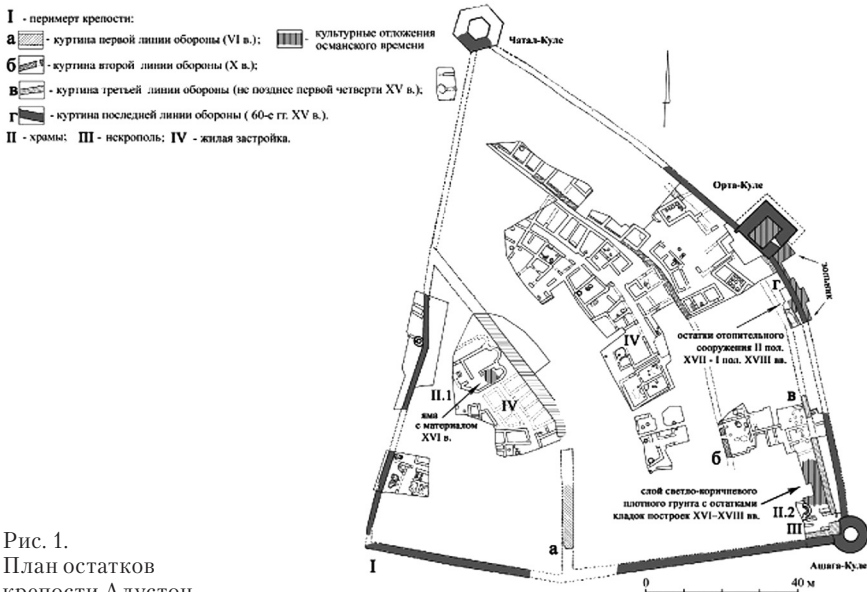

Рис. 1.
 План остатков
 крепости Алустон

вило в распоряжение исследователей большое количество разнообразного материала о многовековой истории обитателей Алушты. Значительная часть полученных данных опубликована, однако находки, относящиеся к османскому периоду, все еще не введены в научный оборот [7, 139–189; 8; 14, 324–348]. В их числе – коллекция курительных трубок из 47 экземпляров, хранящаяся в фондах Алуштинского филиала КРУ «Центральный музей Тавриды» (рис. 2-3). Большинство изделий (34 единицы) представляет собой случайные находки, детальную информацию о контексте которых в отчетной документации по раскопкам крепости найти не удалось. Только тринадцать трубок происходит из датированных комплексов.

Шесть из них (рис. 2: 7, 8; 3: 2-5) обнаружены в «слое светло-коричневого плотного грунта» (мощность – 0,15–0,40 м), образованном продуктами разрушения и остатками кладок построек XVI–XVIII вв. и исследованном в 1993 г. в районе круглой башни (юго-восточная часть крепости) [12, 20, 66–68]. Отложения датированы по находкам монет Мухаммед-Гирея II (Крымское ханство, 1577–1584) и Менгли-Гирея II (Крымское ханство, Бешлык, 1724–1730) [12, 68].

Еще шесть (рис. 2: 5, 15-17, 29, 30) найдены в 1998 г. в районе квадратной башни (северо-восточная часть крепости), с внутренней стороны оборонительной стены XV в., в заполнении печи или очага с каменной обкладкой [12, 24, рис. 88: 2, 3, 5-8]. Вероятно, объект располагался внутри жилищно-хозяйственного комплекса, практически полностью уничто-

женного при сооружении подвала дома во второй половине XVIII–XX вв. [15, 23-24, рис. 11]. Из заполнения отопительного сооружения также происходят фрагменты верхней части неполированного красноглиняного кувшина, глазурованного подсвечника и керамической трубы (вероятно, конструктивный элемент печи) [12, 24, рис. 28; 31: 1; 33: 1]. Эти изделия и стратиграфическая позиция комплекса (прорезан подвалом второй половины XVIII в.) позволяют датировать его временем не ранее XVII – не позднее первой половины – середины XVIII вв.

Один обломок трубки найден в заполнении упомянутого подвала второй половины XVIII–XX вв. [12, 10, рис. 88: 1] (рис. 3: 6).

Важно отметить, что в нижних слоях одного из наиболее представительных комплексов османского времени крепости – зольника, образовавшегося на руинах квадратной башни, керамические курительные трубки вообще не обнаружены [7, 50, рис. 7; 8; 8, 296, рис. 178, 179; 11, 9-15; 13, 4-7; 15, 10-14]. Нижняя дата этих отложений определяется временем не ранее последней четверти XV – начала XVI вв. (1475 г. – захват крепости турками), верхняя – по находкам монет, наиболее поздние из которых – две ачке Мухаммед-Гирея II (1577–1584) чекана Кырк-Ера, относится к концу XVI – началу XVII вв. [11, 10].

Таким образом, очевидно, что все стратифицированные находки курительных трубок происходят из горизонтов, датируемых временем не ранее рубежа XVI–XVII вв. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что на территории селения Алушта, и, вероятно, в Крыму вообще, вплоть до конца XVI – начала XVII вв. трубки и курительный табак, еще не были в широком употреблении.

Ассортимент трубок из алуштинской коллекции довольно разнообразный. По цвету обожженного черепка они подразделяются на белоглиняные (3) (рис. 2: 1-3), сероглиняные (9) (рис. 2: 4-12) и красноглиняные (35) (рис. 2: 13-34; 3). Некоторые исследователи полагают, что белые и серые трубки более ранние – не позднее XVII в., а красноглиняные появляются позже – в конце XVII – начале XVIII вв. и находятся в употреблении вплоть до XIX в. включительно [см. напр. 18, 172-175]. Однако, как обоснованно замечает И.В. Волков, такая хронология не всегда оправдана [3].

По конфигурации профиля выделяется около шестнадцати типов трубок (рис. 2: 3). На некоторых видны остатки клейм, в том числе в виде арабских надписей (рис. 2: 15, 27, 34; 3: 1, 2, 9, 11, 14). Одно из них прочитано И.В. Волковым как имя мастера «Урман Оглу» (рис. 2: 14).

Наиболее часты находки красноглиняных лощеных трубок лилиевидной формы, в том числе с клеймами, украшенных дополнительным декором или без него (рис. 3: 1-7, 11-14). Аналоги хорошо известны по публикациям материалов из Болгарии [5, табл. 4], Греции, Стамбула [17, 181-182], где они датируются временем не ранее второй половины XVIII в.

Рис. 2. Алустон. Обломки и целые формы трубок.

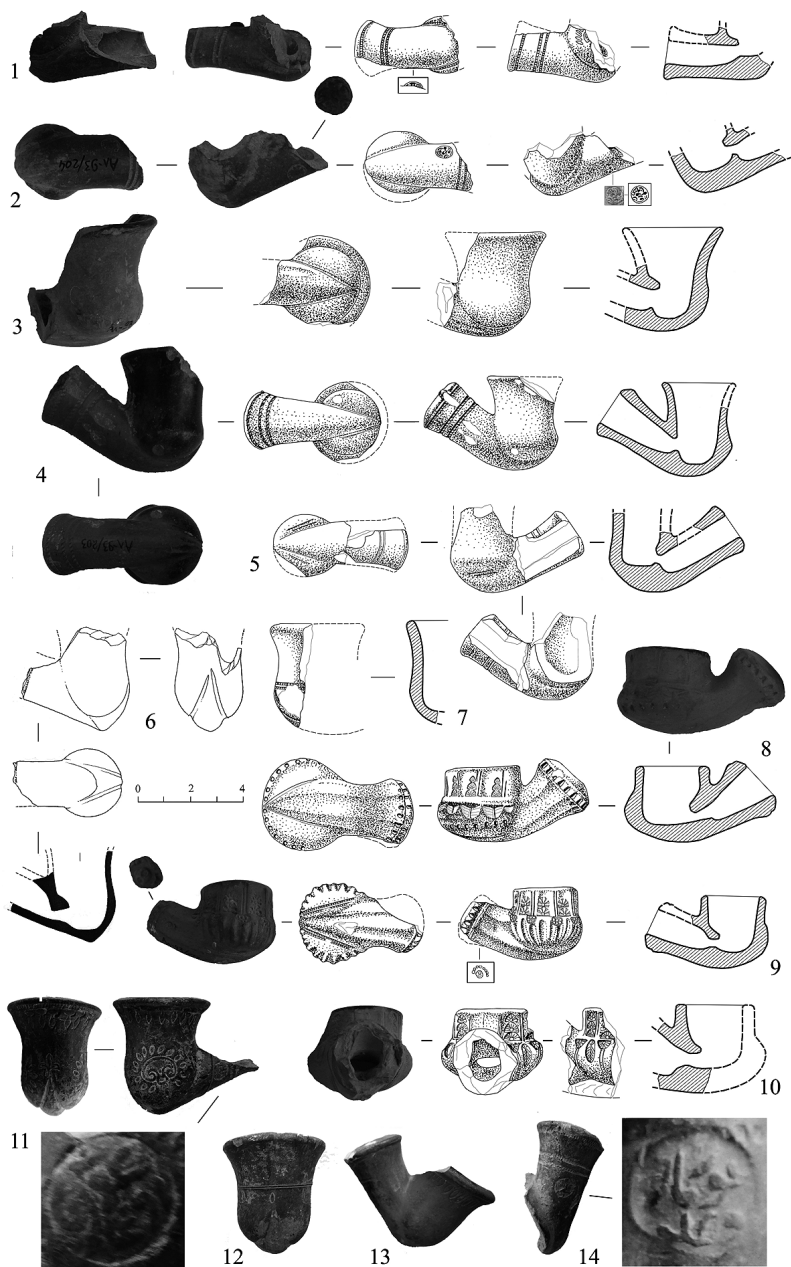

Рис. 3. Алустон. Керамические курительные трубки.

Выделяются также изделия одного из самых распространенных в Причерноморье фасонов – «тахта-чубук» (рис. 3: 8-10). Находки подобных трубок известны практически на всех причерноморских памятниках, а также в Румынии, Болгарии [5, 183], Греции [17, 165] и Турции [16, 391, fig. 149]. Датируются они в рамках XVIII – начала XIX вв. Исходя из разнообразия формовочных масс, И.В. Волков предполагает возможность производства трубок подобного фасона во многих центрах [3].

Чернолощенные курительные трубки (рис. 2: 5, 8, 9, 11-13, 30), предположительно болгарского происхождения. Аналогии известны также в комплексах XVIII – начала XIX вв. из Чигирина [6].

Точно определить место производства курительных трубок из Алушты пока не представляется возможным. Очевидно только то, что по основным пропорциям конструктивных элементов все они относятся к «восточным» или «турецким» – с короткой втулкой для деревянного мундштука. Различные их «фасоны» были распространены на обширной территории Османской империи и в близлежащих к ней областях и изготавливались в различных мастерских [см. напр.: 17; 16, 391; 18, 172–175; 3; 4, 25].

Само появление в Алуште курительных трубок, очевидно, также напрямую было связано с распространением моды на курение табака в Османской империи. На территории этого государства табак завезли, как принято считать, английские моряки на рубеже XVI–XVII вв. [4, 15–16]. Однако, на первых порах, «вредная привычка» подвергалась суровым запретам, как со стороны религиозных лидеров, так и светских властей. Мусульманское духовенство, к примеру, ссылаясь на Коран, запретило туркам курение под страхом строгого наказания. Уличенным в потреблении табака просверливали нос и, вставив в отверстие трубку, возили по улицам Стамбула. При султанах Мураде IV (1612–1640 гг.) в 1633 г. пойманных за курение четвертовали или отрубали им головы. Одной из причин таких суровых мер был большой пожар в Константинополе, возникший накануне по вине курильщиков. Лишь при султанах Мехмеде IV (1648–1687 гг.) эти жестокости были отменены [1, 21]. Вероятно, именно с этого времени табакокурение получает наиболее широкое распространение, как в центральных районах государства, так и на его северных окраинах, в том числе в Крыму. Судя по свидетельствам Эвлии Челеби, во второй половине XVII в. табакокурение здесь уже прочно укоренилось и стало практически неотъемлемым элементом бытовой культуры местных жителей. Как отмечает путешественник: «Все татары охотно упиваются табаком. Они не выпускают от него дым, а только вдыхают его до упоения, потом же становятся как пьяные, приговаривая при этом: «Мы напились!» [цитата по 4, 15–16]. К XVIII в. курение табака, наряду с курением опиума и гашиша, а также употреблением спиртных напитков стало чрезвычайно популярно среди Крымской аристократии. При дворе даже появляются специальные придворные должности табакохранителя (тютюнджю) и ответственного за поставку чубуков (чубукчу) [4, 17-18]. К концу XVIII в.

табакокурение настолько прочно вплетается в местную бытовую культуру, что и сам образ крымского жителя в представлении стороннего наблюдателя стал неотъемлем от трубки и облаков табачного дыма. В археологическом контексте это пристрастие ярко иллюстрируется большим количеством находок трубок самых разных конфигураций практически на всех памятниках османского периода Крыма [4, 24–25].

Источники и литература

1. **Богданов И.** Дым отечества, или Краткая история табакокурения. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 272 с.
2. **Бочаров С.Г.** Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. Южный берег Крыма // «О древностях Южного берега и гор Таврических» (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П.И. Кёпшена). – К.: Стилос, 2004. – С. 187–204.
3. **Волков И.В.** Частная коллекция «турецких» курительных трубок из Москвы // <http://www.geenactog.ru>. – 1999.
4. **Зайцев И.В.** Табак и курение в Крыму (XVII–XVIII вв.) // История и современность. – 2011. – № 2. – С. 13–34.
5. **Илчава В.** Глинени лули от Велико Търново // Годишник на музеите от Северна България. – Варна, 1975. – С. 179–199.
6. **Куштан Д.П.** Керамічні люльки Козацької доби з Чигирина (за матеріалами розкопок 2005–2006 рр.) // <http://www.arheolog-ck.ru>. – 2009.
7. **Мыц В.Л.** Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50–70-е гг. XV в. // Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. – К.: Стилос, 2002. – С. 139–189.
8. **Мыц В.Л.** Кафа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. – Симферополь: Универсум, 2009. – 528 с.
9. **Мыц В.Л., Адаксина С.Б.** Отчет о раскопках средневекового укрепления Алустон в 1990 г. – Симферополь, 1991. // НА ИА НАНУ. – Ф. э. – № 1990/21 «б» – 41 с., 49 рис.
10. **Мыц В.Л., Адаксина С.Б.** Отчет об археологических исследованиях на крепости Алустон в 1991 г. – Симферополь, 1992. // НА ИА НАНУ. – Ф. э. – № 1991/11. – 55 с., 129 рис.
11. **Мыц В.Л., Адаксина С.Б., Кирилко В.П.** Отчет о раскопках средневековой крепости Алустон в 1992 г. – Симферополь, 1993. // НА ИА НАНУ. – Ф. э. – № 1992/119. – 106 с., 84 ил.
12. **Мыц В.Л., Адаксина С.Б., Кирилко В.П., Лысенко А.В., Семин С.В., Тесленко И.Б.** Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1993 г. – Симферополь, 1994. // НА ИА НАНУ. – Ф. э. – № 1993/18. – 116 с., 89 ил.
13. **Мыц В. Л., Семин С. В.** Отчет об архитектурно-археологических предэстаблицационных исследованиях средневекового укрепления Алустон в 1994 г. (участок башины Орта-Куле). – Симферополь, 1995. // НА КФ ИА НАНУ. – Папка № 681. – № 346. – 53 с.
14. **Тесленко И.Б.** Производство поливной керамики в крепости Алустон (Крым) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. – К.: Стилос, 2005. – С. 324–348.
15. **Тесленко И.Б., Семин С.В.** Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1998 г. // НА ИА НАНУ. – Симферополь, 1999. – Папка 959. – № 581. – 116 с., 90 ил.
16. **Hayes J.W.** Excavations at Sarachane in Istanbul. – 1992. – Vol. 2. – 455 p.
17. **Robinson R.C.W.** Tobacco Pipes of Corinth and of the Athenian Agora // Hesperia. – 1985. – Vol. 54. – P. 150–203.
18. **Vroom J.** Byzantin to modern pottery in the Aegen – 7th to 20th century – Bijlvelvd: Parnasus press, 2005. – 223 p.